

Марк Алданов. Истоки. Начало.

Оригинал здесь: [Библиотека А. Белоусенко](#)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

В этот день, 11 января 1874 года, Николай Сергеевич Мамонтов, как многие жители поздно встававшего Петербурга, проснулся гораздо раньше обычного времени. Он растерянно поднялся на постели, шурясь от заливавшего комнату света, низко опустив голову, и прислушался: "Что за черт? Что такое случилось?"

Гул выстрелов был очень силен; номер гостиницы выходил окнами на Исаакиевскую площадь. Мамонтов не сразу догадался, что это салют. Потом выругался, зевнул и опять опустил голову на подушки, лениво считая выстрелы. "Ну, хорошо, не довольно ли? Я решительно ничего не имею против их свадьбы, но зачем они мешают людям спать? Семь... восемь... Я думал, началась революция... Кажется, что-то о революции и снилось... Довольно... Право, довольно!.. Не хочу, чтобы больше стреляли..." Мускулы на его худом, приятно-некрасивом лице обозначились сильнее, точно от физического усилия. Но попытка подавить салют усилием воли не удалась. "Значит, завтра "новая жизнь"... Но и старая была очень, очень недурна... Стоит ли уезжать?.."

Яркий свет резал глаза: одно из окон было против кровати, Николай Сергеевич никогда не опускал штор. "Что же сейчас делать?" – зевая, спросил себя он. Все скучные дела уже были кончены. "Можно встать, а можно лежать в кровати хоть до полудня, и то, и другое недурно, и в этой свободе есть для меня большая прелесть. Что если она мне нужнее политической? – неожиданно подумал он и поморщился. – Мысль довольно мещанская, Бакунину или Марксу я об этом не скажу. И о Кате не скажу..." На него как будто беспричинно нашла радость. Выстрелы наконец прекратились с последним глухим, долго замиравшим раскатом. "Не поработать ли? Жаль, все в ящике. В солнечный день совестно поздно вставать..." Он вскочил и надел туфли, как всегда забившиеся под кровать дальше, чем было нужно.

Вид у комнаты был неуютный. Почти все уже было уложено. В углу стоял мольберт, под ним лежали гири – и то, и другое Мамонтов оставлял в гостинице. Вместо этого мольберта был накануне куплен складной и уложен в ореховый ящик с отделениями для ни соринки", – на что Николай Сергеевич неизменно отвечал: "Молчи. Мастерские Тициана и Леонардо имели точно такой же вид". Черняков обычно оставлял за собой последнее слово: "Так то Тициан и Леонардо".

"Стенька Разин", не свернутый, на подрамнике, лежал в другом, большом, низеньком ящике. Мамонтов поднял крышку и ахнул: столь новой при взгляде сверху вниз показалась ему уложенная накануне вечером картина. "Точно и не я. Кое-что взято у Василиев. – Два художника, которые ему нравились в Академии, Перов и Суриков, оба назывались Василиями. – Но я не останусь в исторической живописи, буду писать портреты". Он вздохнул, опять лег, взял со стола книгу "Отечественных записок" и дернул шнурок колокольчика. Никто не откликнулся – из-за наплыва иностранцев прислуга гостиницы была перегружена работой. Он дернул шнурок во второй, в третий раз. Наконец кто-то постучал в дверь. Мамонтов приказал подать самовар.

– Не забудьте, пожалуйста, принести льду, – добавил он. Всегда говорил прислуге "вы", что приводило ее в растерянность. Николай Сергеевич улегся поудобнее на трех подушках и открыл на закладке книгу; накануне начал читать роман какой-то дамы: "Попечитель Учебного Округа". "Ох, что-то уж очень скучно..." Он с вечера не верил ни в религиозный экстаз одной героини, ни в то, что в другой героине "все было бархат, начиная от крохотного блеска ее глаз до ласкающего шелеста ее платья". С утра в романе появился "молодой надменный князь, с нахально-ленивым выражением лица и с несколько лошадиными зубами, через которые он пропускал отдельные фразы, фразы, ценившиеся в Петербурге на вес золота". "Как, однако, скверно пишет эта баба! И какое мне дело до князя с лошадиными зубами?" – подумал Мамонтов и из-под одеяла наудачу подтолкнул правой рукой книгу, которую держал в левой: вдруг откроется на интересном месте? Критик жаловался на полный упадок литературы: не только нет Шекспиров и Дантов, но некого